Зело краснешенек. Взял на руку красной и зрю прилежно: Ворошится живой он на ладони, А я дивлюсь красе и живости его. Учал его вертеть в руках, расправил И местом рваным к резанному месту Идеже прежде был, его приставил, — Он к корню и прильни, где рос с рожденья. Возбнух я радостен: что хочет сие быти? От времени того по малу-малу Дойде язык мой паки до зубов И полон бысть. К яденью и к молитве По-прежнему способен, как в пустыне, И слин нелепых во устех не стало И есть язык мне богом данный — новый Короче старого, да мало толще. И ныне веселюсь, и славлю, и пою Скорозаступнице, язык мне давшей новый.

3

Сказанье о кончине Страдальца Епифания и прочих С ним вместе пострадавших в Пустозерске: Был инок Епифаний положен в сруб, Обложенный соломой, щепой и берестой И политый смолою. А вместе Федор, Аввакум и Лазарь. Когда костер зажгли, в огне запели дружно: «Владычица, рабов своих прими!». С гудением великим огнь, как столб, Поднялся в воздухе, и видели стрельцы И люди пустозерские, как инок Епифаний Поднялся в пламени божественною силой Вверх к небесам и стал невидим глазу. Тела и ризы прочих не сгорели. А Епифания останков не нашли.

16 февраля 1929 г. Коктебель.